

Р.И. Плиев
Пятигорский государственный университет

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРИЕНТАЛИСТКОГО ВОСПРИЯТИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Научная статья посвящена анализу основных особенностей развития ориенталистского текста в русской литературе первой половины XIX века. Автор статьи проводит сравнительный анализ развития литературного ориентализма в России и Европе в этот исторический период, и на основе проведенных исследований автор приходит к выводу о наличии у них общих основ. В статье отмечается, что уникальность Северного Кавказа как основного пространства востока в русской литературной традиции привела к созданию в России такого особенного культурного феномена, как кавказский текст. Кавказский текст русской литературы, развивавшийся сначала в рамках романтического, а затем реалистического направления, в полной мере отразил свойственное русскому культурному коду стремление к осознанию и принятию различий национальных культур и традиций, а также готовность к синтезу культур для успешной интеграции новых пространств в состав единого Российского государства.

Ориентализм, Северный Кавказ, кавказский текст, романтизм, реализм, Кавказская война, русский восток, ориентальный дискурс.

Активная вовлеченность Российской империи в геополитическое противостояние на Северном Кавказе в первой половине XIX века, равно как и большое место, которое заняли события Кавказской войны в социально-политической и экономической жизни российского общества в этот исторический период, сформировали предпосылки к активизации ориенталистского интереса российской культурной элиты к изучению кавказской проблематики как одной из основных доминантных тем русского творчества. Литературоцентричный характер, утвердившийся в рамках русской культуры уже на заре XIX века, привел к тому закономерному результату, что основным видом искусства, отразившим кавказскую проблематику с культурологической точки зрения в России, стала русская литература, открывшая удивительный мир Северного Кавказа как перед русскими читателями, так и перед европейской читающей публикой [5, с. 98].

Значительное повышение интереса русской культуры к проблемам Северного Кавказа как русского Востока, поворот русской литературы к ориентальным проблемам в XIX веке были связаны как с сугубо внутренними особенностями развития русского общества в эту эпоху, так и генеральными тенденциями, охватившими всю европейскую культуру в целом на рубеже веков. Важно отметить, что для подавляющего большинства европейских писателей, художников и живописцев в этот период было характерно обращение в своем творчестве к ориентальным мотивам. Важными вехами ориентализации культурного пространства Европы в XVIII веке можно считать популяризацию китайских мотивов – стиля «шинуазри» – в контексте художественного стиля рококо, публикацию «Персидских писем» Шарля Луи де Монтескье

во Франции в 1721 году, ставших основой для изучения темы востока в европейской литературе, а также всплеск интереса к теме ориентализма в конце XVIII века, когда на смену античной эстетике классицизма пришла новая эстетика романтизма, нашедшая в образе таинственного и далекого от европейского рационализма Востока идеальный источник для вдохновения [9, с. 65].

Основными особенностями восточной культуры, акцент на которых делали европейские гении, творившие в ориентальном стиле, стала загадочность, романтичность, уникальность и экзотичность Востока, которая в перцепции художников XIX века понималась как суть восточной жизни, кардинально противоположная мировоззрению Запада. Основными географическими локациями, определившими спектр европейского ориентализма, стали Ближний Восток, Северная Африка, Турция и в меньшей степени Индия и Китай (Там же, с. 76). Резкая популяризация ориентализма в европейской культуре начала XIX века совпала по времени с включением России в сферу западной культуры. Подавляющее большинство русских гениев, развивавших восточные мотивы в своем творчестве, от Александра Пушкина и Михаила Лермонтова до Льва Толстого и Сергея Есенина, рассматривали Северный Кавказ сквозь призму европейского романтизма и вдохновлялись произведениями Джорджа Байрона. Однако уникальный характер Северного Кавказа, в значительной степени отличающегося по своей культуре, менталитету и традициям от исследованного европейцами Ближнего Востока, позволяет рассматривать русский кавказский ориентализм как уникальный феномен русской и европейской культуры [1, с. 87].

Расцвет ориентальной проблематики в русской культуре в первой половине XIX века, хронологически совпавший с активизацией событий Кавказской войны и включением России в западную культуру, привел к ряду закономерных последствий. Во-первых, русская культура открыла Северный Кавказ как свой собственный «Восток», отличный от востока, привлекавшего внимание западных художников. Логика исторических процессов и ограниченность возможностей для вовлечения представителей русской культуры в жизнь Ближнего Востока была компенсирована для них широким потенциалом путешествий по Северному Кавказу, который в XIX веке стал как популярной туристической дестинацией, особенно в районе Кавказских Минеральных вод, так и пунктом ссылки опальных художников и военных. Нужно учитывать тот факт, что большинство русских писателей и поэтов в тот или иной промежуток времени были кадровыми военными, поэтому служба на Кавказе давала им как возможности для длительного изучения локальной природы, истории и культуры, так и формировала весьма определенный взгляд на регион. Это видение в полной мере совпадало с романтической традицией, поскольку знакомство России с реалиями кавказской жизни имело место в исключительных условиях – в разрезе боевых действий, когда природная воинственность кавказских народов заслоняла многие другие особенности локальной культуры [5, с. 72].

Во-вторых, хронологическое совпадение периода открытия русской культурой Северного Кавказа с утверждением эстетики романтизма в России и Европе привело к чрезмерной романтизации ориентальной северокавказской темы в контексте русской культуры. Подавляющее большинство русских писателей и поэтов, прежде всего М.Ю. Лермонтов, А.С. Пушкин, А. Бестужев-Марлинский, Л.Н. Толстой, описывали Северный Кавказ в категориях земли перманентного мятежа и борьбы. Данный взгляд на Северный Кавказ, аналогичный европейскому взгляду на мир Ближнего Востока, лишь частично отражал сложный, глубокий и многослойный характер культуры многочисленных народов Северного Кавказа [7, с. 32].

Данный взгляд, свойственный таким классическим произведениям русской литературы, как «Кавказский пленник» А.С. Пушкина и «Мцыри» М.Ю. Лермонтова, во многом носил клишированный характер. Он основывался на прямом противопоставлении Востока и Запада, что стало одним из факторов последующей критики всего европейского ориентализма на Востоке. Эта критика в наиболее концентрированном виде представлена в работе американского ученого Эдварда Саида «Ориентализм». С данной точки зрения, европейский ориентализм понимают как «право говорить за другого», в качестве попытки Запада поместить Восток в строгие границы европейской культуры, в которых отрицается самодостаточность Востока и уникальный характер его исторического пути и древней культуры.

В-третьих, изучение Северного Кавказа в условиях Кавказской войны стало фактором определенной степени ангажированности подхода русских художников к репрезентации кавказской культуры. Ход исторических процессов в XIX веке также значительно

влиял на восприятие феномена Кавказа русским обществом. Нараставшая в этот период напряженность, связанная как с усилением критики сложившейся в империи социально-политической и экономической системы организации общества, а также рост локального национализма в отдельных частях империи, прежде всего в Польше, способствовал превращению Северного Кавказа в российскую версию британской Австралии. Кавказ начали рассматривать как идеальную локацию для ссылки «людей неуживчивых, бывших не в ладах с существовавшими законами, беспокойных и неудобных» [2, с. 52].

В этих условиях личное отношение художника к русской культуре, к Российскому государству и к отношениям России и Северного Кавказа в значительной степени отражалось в его перцепции Северного Кавказа как уникального культурно-исторического феномена. При этом диапазон субъективности восприятия был достаточно растяжимым, от идеализации Северного Кавказа как свободной Земли в противоположность деспотической России в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Кавказ» 1830 года (Кавказ! Далекая страна! Жилище вольности простой! И ты несчастлива полна и окровавлена войной) до жесткой критики сути кавказской культуры, ее восприятия как сугубо варварской и жестокой, что можно проследить на примере стихотворения М.Ю. Лермонтова «Сон»:

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

В этой связи наиболее наглядным является восприятие культуры народов Северного Кавказа, данное великим русским философом и публицистом Николаем Данилевским, определившим горцев Северного Кавказа как «природных хищников и грабителей, никогда не оставлявших и не могущих оставить своих соседей в покое» [3, с. 31]. Важно отметить, что подобный ангажированный взгляд одного из теоретиков русского славянофильства на кавказские народы во многом схож с оценкой западными теоретиками самих русских, которых в Европе также традиционно обвиняли в склонности к жестокости, варварству и неумеренной экспансии. Данная аналогия раскрывает специфику, свойственную западному взгляду на мир Востока, в котором объективный взгляд искажается субъективностью восприятия [10, с. 63].

Наконец, фундаментальной особенностью восприятия деятелями русской культуры сущности социальной и экономической жизни народов Северного Кавказа, равно как и мировоззренческого взгляда кавказских народов на окружающий мир, являлось постоянное стремление понять другую сторону Кавказской войны. Несмотря на тот факт, что между русскими писателями и художниками, с одной стороны, и горцами Северного Кавказа пролегла большая дистанция, связанная как с особенностями национального менталитета, так и с сословными ограничениями и прямой враждебностью завоевателей и борцов за свою свободу, вызванной условиями Кавказской войны, в подавляющем большинстве произведений русской культуры, посвященных проблематике Северного

го Кавказа, доминантной линией проходит глубокое уважение к своему противнику. В них звучит прямое восхваление безусловных достоинств Северного Кавказа, его уникальной природы, неповторимой культуры, храбрости, отваги и свободолюбия кавказских народов [8, с. 95]. Такие классические произведения русской литературы, как «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова и «Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого, являются яркими примерами глубокого понимания русскими писателями сложного мира Кавказа.

В отличие от подавляющего большинства произведений европейских авторов в стиле ориентализма образца девятнадцатого века, в которых колонизаторская миссия европейцев воспринимается как однозначно позитивное явление, как светлая миссия белого человека, распространяющего прогрессивные достижения европейской цивилизации на новые земли, в произведениях русских писателей, сосредотачивающихся в основном на анализе событий Кавказской войны, имеет место значительно более сложный взгляд на роль Российской империи в Кавказской войне. Наравне с прославлением силы русского оружия в русском культурном ориентализме достаточно распространенный характер имеет и критика боевых действий, ведущихся Россией на Кавказе. Например, особый характер носит повесть Льва Толстого «Хаджи-Мурат», в которой беспощадной критике подвергается традиция сожжения русской армией горских аулов, одновременно сопровождающаяся восхвалением автором горских народов Северного Кавказа. В толстовской репрезентации событий Кавказской войны звучит значительно более реалистичный и сложный подход, выходящий далеко за границы как романтического ориентализма Европы и России, так и самой схемы ориентализма как феномена. Обозначение империализма и колониализма носит строго позитивный характер. С этой точки зрения русская культура вновь демонстрирует присущее ей стремление не столько покорить и подчинить другие народы и культуры, сколько понять их особенности и специфику с тем, чтобы в дальнейшем найти точки соприкосновения для максимально бесконфликтного совместного существования в рамках общего для всех народов России Российского государства [2, с. 48].

Несмотря на формирование в русской культуре первой половины XIX века достаточно единого по своей внутренней структуре пласта литературных, художественных и иных работ в жанре ориентализма, важно обратить особое внимание на тот факт, что каждый отдельный художник, описывавший Северный Кавказ, имел свое собственное видение этого уникального региона. Это видение определялось как особенностями его частной жизни и биографии, так и историческими реалиями, а также глубиной разлома в отношениях России и Кавказа.

Наиболее ярким примером особенностей ориенталистского восприятия кавказской тематики в русской литературной традиции первой половины девятнадцатого века является творческое наследие А.С. Пушкина. Пушкинский взгляд на проблему Кавказа носит двоякий характер. С одной стороны, А.С. Пушкин был пионером русского культурного востоковедения. Именно в рамках его произведений восточного цикла,

от «Подражания Корану» и «Бахчисарайского фонтана» до «Кавказского пленника», были сформулированы основные нарративы, сюжеты и жанры кавказского ориентализма в русской литературе. Пушкинская поэтика мира Кавказа, его романтизация и идеализация Кавказа как «русского востока», стала той основой, на базе которой творили последующие русские писатели и поэты, в числе которых можно назвать М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, И.А. Бунина, В.Я. Брюсова, С.А. Есенина и Б.А. Пастернака [4, с. 147].

Публикация Александром Пушкиным повести «Кавказский пленник» стала знакомым событием в контексте знакомства русской культуры с Северным Кавказом как культурно-историческим феноменом. Значительность вклада Пушкина в разработку ориенталистской темы в русской литературе обосновывается реакцией на нее как широкой читающей публики, так и отзывами крупных русских критиков и писателей. В частности, в своем отзыве на пушкинского «Кавказского пленника» крупнейший русский критик первой половины XIX века Виссарион Белинский отметил способность поэта передать «грандиозный образ Кавказа с его воинственными жителями в первый раз в русской поэзии» [6, с. 21]. Наравне с отражением природных и идейных особенностей Северного Кавказа, А.С. Пушкин в своем творчестве стремился к максимально объективному отражению обычаев и традиций народов Северного Кавказа, что впоследствии стало одним из основных факторов развития русского ориентального дискурса. Ключевая роль учета культурологических особенностей Северного Кавказа в написании «Кавказского пленника» бала отмечена самим ее автором, писавшим в письме к В. Горчакову в 1822 году: «Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести» [1, с. 149].

Вместе с тем пушкинский взгляд на эстетику Северного Кавказа со многим носил теоретический, фантазийный характер. Он был вдохновлен байроновским романтизмом, перенесенным на Кавказ, что во многом ограничивало художественный потенциал развития темы Кавказа в русской литературе. Объективным основанием данной ограниченности было отсутствие у поэта личного опыта жизни на Северном Кавказе, что отделяло Пушкина от его последователей в жанре русского ориентализма, имевших богатый опыт понимания кавказских реалий [6, с. 89].

Вклад А.С. Пушкина в развитие русского восприятия Северного Кавказа заключается, прежде всего, в формировании им самого дискурса русского ориентализма, основанного на постижении Востока как уникальной культуры, отличной от культуры России и Европы. В этом контексте особый интерес привлекает главное достижение Пушкина в контексте русского ориентализма – написание им цикла «Подражание Корану» как центрального текста русского ориентализма. Текста, привлечшего внимание всей русской культуры к эстетике и проблематике Востока. Важное место в пушкинском понимании Востока занял концепт гонимого людьми пророка, бросающего вызов реалиям, ценностям и представлениям своего века и ищущего более глубокие и важные идеалы, которые, как правило, обретаются на Востоке, в случае русской литературы – на Северном Кавказе. Идея духовного

востока, противостоящего прагматичному и поверхностному западу, и поиск выхода из духовного кризиса через физический или воображаемый побег на Восток стала доминирующей в творчестве основного наследника Пушкина в сфере написания кавказского текста – Михаила Лермонтова [4, с. 85].

Рассматривая тематику востока сквозь призму противостояния человека и общества, личности и государства, свободы и тирании, Александр Пушкин также смог в иносказательной форме в рамках стихотворений из цикла «Подражание Корану» и «Бахчисарайский фонтан» обозначить свою политическую позицию в условиях нарастания революционных настроений в России в первой четверти девятнадцатого века, нашедших свой выход в восстании декабристов 1825 года. Александр Пушкин дал русской литературе в формате ориенталистского текста еще один метод свободного выражения политической позиции посредством иносказания, запретить который было сложно даже мощной системе российской цензуры.

Подводя итоги данной работы, мы можем сделать однозначный вывод о том, что русские писатели в первой половине XIX века открыли для себя уникальный мир Востока и Северного Кавказа. Их перцепция Северного Кавказа в значительной степени отвечала духу европейского романтического ориентализма, но также и имела ряд своих уникальных особенностей, к числу которых относилось стремление к более реалистичному анализу традиций автохтонного населения региона, готовность к налаживанию диалога культур и формированию устойчивого взаимодействия между институтами и обществом Российской империи и отдельными народами, проживавшими на территории

Северного Кавказа до его окончательного присоединения к российскому государству.

Литература

1. Виноградов, В. Б. Пушкинская Кубань (историко-литературоведческие этюды) / В. Б. Виноградов. – Армавир, 2009. – 211 с.
2. Гуковский, Г. А. Пушкин и русские романтики / Г. А. Гуковский. – Москва : Художественная литература, 1965. – 321 с.
3. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – Санкт-Петербург, 2015. – 136 с.
4. Кошелев, В. А. Историческая оппозиция «Запад-Восток» в творческом сознании Пушкина / В. А. Кошелев. – Москва, 2012. – 231 с.
5. Орловская, Н. К. Восточные мотивы в европейском галантном романе XVII–XVIII в. / Н. К. Орловская // Взаимодействие культур Востока и Запада : сборник статей. – Москва : Наука, 1987. – 153 с.
6. Соловей, Н. Я. Особенности использования мотивов Корана в «Подражании Корану» Пушкина / Н. Я. Соловей // Пушкин в странах зарубежного Востока : сборник статей. – Москва : Наука, 2016. – 257 с.
7. Черноус, В. В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур / В. В. Черноус // Научная мысль Кавказа. – 2000. – № 2. – С. 30–34.
8. Bakioe-Hayden, M. Nesting Orientalism: The Case of Former Yugoslavia / Bakioe-Hayden M. // Slavic Review. – Washington, 1995. – Vol. 54. – 425 p.
9. Jersild, A. L. Orientalism and Empire: North Caucasus Muslim Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917 / A. L. Jersild. – Montreal, 2002. – 367 p.
10. Layton, S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy / S. Layton. – Cambridge, 2014. – 392 p.

R.I. Pliev

THE MAIN FEATURES OF THE ORIENTALIST PERCEPTION OF THE NORTH CAUCASUS IN RUSSIAN LITERATURE OF THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

The article is devoted to the analysis of the main features of the development of the orientalist text in Russian literature of the first half of the 19th century. The author of the article conducts a comparative analysis of the development of literary orientalism in Russia and Europe during this historical period. Based on the conducted research, the author comes to the conclusion that there are common foundations of the Russian and European orientalist text. The article notes that the uniqueness of the North Caucasus as the main space of the East in the Russian literary tradition has led to the creation in Russia of such a special cultural phenomenon as the Caucasian text. Russian literature's Caucasian text, which first developed within the framework of a romantic and then realistic direction, fully reflected the desire inherent in the Russian cultural code to realize and accept the differences of national cultures and traditions, as well as the willingness to synthesize cultures for the successful integration of new spaces into a single Russian state.

Orientalism, the North Caucasus, Caucasian text, Romanticism, realism, the Caucasian war, the Russian East, oriental discourse.